

- Смотрите, подходите, все сюда, взгляните! - зычно кричал Цзян Мяо. - Изысканные фонари ручной работы! Вы сами напишете свою прекрасную жизнь, подарив себе уникальный и неповторимый опыт!

Приближался вечер, улица оживала, поток людей становился все плотнее. Цзян Мяо, уловив момент, вышел вперед и громко закричал рекламный слоган, который придумал заранее.

Эта длинная, витиеватая тирада разительно выделялась на фоне привычных выкриков торговцев: "Лепешки, горячие лепешки!", "Баоцзы, свежие баоцзы!" и "Продаю... боярышник на палочке!".

Цзян Мяо надрывал горло, всей душой тоскуя по современным мегафонам - вот бы записать один раз, и пусть кричит себе целый день без передышки.

- Что ты только что сказал? - несколько человек, одетых как ученые мужи, привлеченные его голосом, подошли ближе. Они с любопытством оглядели стол позади него, не совсем уловив суть его слов.

- Господа, сразу видно - люди вы образованные и эрудированные, - рассыпался в комплиментах Цзян Мяо. - Смотрите, здесь есть бумага, кисти и краски. Заплатив небольшую сумму, вы можете сами расписать свой фонарь - нарисовать картину или начертать стихи. Такой фонарь станет поистине единственным в своем роде, держу пари, на всей улице ни у кого подобного не сыщется! А еще, господа, если у вас есть дама сердца, вы можете изготовить для нее такой особенный подарок. Это покажет и вашу искренность, и глубину чувств - любая девушка будет тронута до глубины души!

Цзян Мяо говорил громко, намеренно повышая голос, чтобы его слова слышали не только стоящие перед ним ученые, но и те, кто с любопытством прислушивался позади, пока еще не решаясь подойти.

Несколько молодых ученых слегка покраснели. В их возрасте, полном кипучей энергии и юношеских грез, разве могли они не думать о таких вещах? Подарить возлюбленной уникальный, созданный своими руками фонарь - идея и впрямь казалась заманчивой. Однако на их лицах читалось легкое, сделанное смущение.

- Вещица и впрямь занятная, - пробормотал один из них. - Пожалуй, сделаю один, не хочется быть как все.

- Вот именно! - подхватил другой. - Бывало, выйдешь на улицу - так из десяти фонарей три-четыре одинаковых. Скука смертная! Я тоже сделаю!

- А мне нужно два, только подбери мне одинаковые каркасы, - потребовал третий.

- Будет исполнено, господа! Подходите, выбирайте! Дело у меня маленькое, один фонарь - сущие пустяки, всего тридцать вэней! Купите - не пожалеете, это выгодное вложение! - заверил их Цзян Мяо.

Цена была чуть выше, чем у обычных фонарей того же типа на соседних лотках, но для этих ученых юношей разница была сущим пустяком. Возможность блеснуть талантом, а потом гордо нести свое творение на виду у всех - да разве это сравнится с банальным отгадыванием загадок ради призов?

- Кисть у тебя совсем никудышная, - пожаловался один из ученых, выводя иероглифы. Кисть была жесткой, к тому же расщеплялась на конце и теряла ворс.

Цзян Мяо, стремясь сэкономить, купил самых дешевых кистей в лавке. Естественно, писать ими было далеко не так приятно, как теми изысканными инструментами, к которым они привыкли.

- Кисть, может, и не ахти, зато какие у вас иероглифы! - притворно изумился Цзян Мяо. - Как это говорится... железный крюк, серебряный штрих, верно? Да что там эта кисть - вам, сдается мне, дай хоть обугленную палочку, и вы ею шедевр начертаете!

Ученый, польщенный и смущенный одновременно, но с явным оттенком самодовольства, тут же прекратил жаловаться и принялся выводить иероглифы с еще большим усердием, словно задавшись целью создать каллиграфический шедевр самой скверной кистью на самой плохой бумаге.

Остальные ученые тоже притихли. Не могли же они позволить, чтобы кто-то подумал, будто красота их письма зависит от качества бумаги и кистей?

Когда рисунки и стихи были готовы, Цзян Мяо аккуратно взял бумагу, смазал ее клейстером и тщательно наклеил на каркас фонаря. Затем прикрепил снизу короткую свечу - и вот, уникальный фонарь готов.

- Господин, ваш фонарь готов, - Цзян Мяо с улыбкой протянул творение заказчику. Тот изобразил пучок орхидей у журчащего ручья - рисунок получился свежим, полным жизни и действительно красивым.

Ученый, судя по всему, остался доволен. Он принял фонарь и принялся с удовлетворением его разглядывать, поворачивая в руках.

Постепенно обретали форму и другие фонари - каждый со своим уникальным рисунком и стихотворной строкой. И правда, они смотрелись куда интереснее однотипных поделок, которыми были завалены все лотки. По крайней мере, эти молодые люди, ценившие индивидуальность, с явным удовольствием принимали из рук Цзян Мяо свои творения.

Как только первая группа закончила, к лотку хлынули другие, ранее лишь нерешительно наблюдавшие со стороны. Вероятно, чувство удовлетворения от сопричастности к созданию чего-то своими руками доставляло особое удовольствие. Ну и, конечно, возможность блеснуть перед знакомыми, когда те спросят об их фонаре, тоже играла не последнюю роль - ведь как

неловко, если у других есть такая диковинка, а у тебя нет!

Цзян Мяо улыбался во весь рот, так что глаз почти не было видно. Он жестом велел Сяо Шитоу принимать деньги, а сам продолжал демонстрировать каркасы, помогая новым клиентам выбрать подходящую бумагу для их стихов и рисунков.

Сяо Шитоу, крепко прижимая к себе доверенный братом мешочек с деньгами, стоял рядом и собирал плату. От звона медных монет, сыпавшихся в мешок, он весь просто пузырился от восторга.

Хозяин соседнего прилавка с юаньсяо, который еще недавно посмеивался над Цзян Мяо, теперь с разинутым ртом наблюдал за его кипучей торговлей. В его голове теснились недоуменные вопросы.

"Может, мне тоже стоит позволить клиентам самим лепить юаньсяо и бросать их в кипяток?" - размышлял он.

■ ■ ■

- А Чэ, ну пойдем прогуляемся! - канючил Хань Цинь.

В такой праздник, как Праздник Фонарей, разве мог неугомонный Хань Цинь усидеть дома? всю вторую половину дня он провел в особняке герцога Чжунго, изводя Пэй Чэ уговорами пойти с ним на улицу. Из их четверки друзей Су Цзинь был начисто лишен романтики и терпеть не мог толпу - в такие дни он скорее заперся бы один дома, чем вышел бы на гулянье. Хэ Чэнь недавно получил какое-то поручение от отца и был занят по горло. Оставался только Пэй Чэ, относительно свободный, и Хань Цинь, разумеется, решил не упускать своего шанса.

- Не пойду, - отрезал Пэй Чэ.

Он стоял перед сливовым деревом, погруженный в его созерцание. Недавно, размышляя над тем, как лучше передать игру света и тени на картине, он пришел к выводу, что вид любого предмета должен меняться в зависимости от угла зрения. Раньше он всегда рисовал по памяти, полагаясь на общее впечатление, и не слишком задумывался о реалистичности изображения.

- Да что ты в нем нашел? Уже полдня на это дерево пялишься! - не унимался Хань Цинь. - Если оно тебе так нравится, может, я свожу тебя в сливовый сад моего отца? Там таких - целая роща! И вообще, с каких это пор ты увлекся сливами? Ты же раньше бамбук больше всего любил... - он обошел дерево кругом, недоуменно его разглядывая. Как ни посмотри - обычная красная слива, ничего особенного.

- Пойдем! - Пэй Чэ сдался с легким вздохом раздражения. Под непрекращающееся жужжание Хань Циня сосредоточиться было невозможно.

Когда они наконец выбрались на улицу, уже смеркалось. Но мягкий, переливчатый свет сотен фонарей, развешанных вдоль дороги, заливал все вокруг. Желтоватые, красноватые, оранжевые ореолы света окутывали дома и прохожих, разгоняя ночной холод и наполняя воздух ощущением праздничного уюта.

Хань Цинь завертел головой и вдруг остановился перед одной из лавок. На небольшой площади перед ней толпилось немало народу. В центре возвышалась стойка, вся увешанная разномастными фонарями. А на самом верху красовался изысканный дворцовый фонарь-вертушка, украшенный изображением двенадцати красавиц. Фонарь медленно вращался, и нарисованные на нем девы словно оживали, плавно скользя в изящном танце.

- Уважаемый лавочник, сколько стоит этот фонарь? - спросил Хань Цинь. Он сам был не чужд

живописи и любил изображать красавиц. Рисунок на этом фонаре отличался от его собственных работ, и фонарь ему сразу приглянулся. Он обратился к пожилому мужчине, стоявшему у входа в лавку.

Лавочник погладил бороду и с улыбкой ответил:

- О, господин, этот фонарь "Двенадцать красавиц" - наш сегодняшний главный приз! Унести его сможет лишь тот, кто сумеет отгадать подряд десять наших загадок.

Глаза Хань Циня озорно блеснули.

- Любопытно! - протянул он. - Стало быть, сегодня еще никому не покорились все десять? Каковы правила?

- Все просто, - пояснил лавочник. - Сначала вы вносите залог - два ляна серебра. Если отгадаете все десять загадок, то не только забираете главный приз, но и получаете свое серебро обратно. Если же нет - можете выбрать любой фонарь из тех, что пониже. Но учтите, у каждого участника есть только одна попытка.

Он говорил это с хитрой улыбкой. Становилось понятно, почему вокруг так много зевак, но мало смельчаков. Если не угадать все десять загадок, получится, что ты купил обычный фонарик стоимостью в несколько десятков вэней за целых два ляна серебра - кто на такое по доброй воле согласится? Видели бы вы, как давеча несколько самонадеянных ученых юношей с азартом выкладывали деньги, но, отгадав лишь пару-тройку загадок, сгорали со стыда и спешили ретироваться!

Хань Цинь окинул взглядом фонари внизу - все сплошь обычные, ширпотреб, ни в какое сравнение не идущие с главным призом наверху. Он небрежно махнул рукой, и стоявший позади слуга тут же почтительно подал ему два ляна серебра.

- Что ж, доставайте ваши загадки, - бросил Хань Цинь лавочнику.

- Ли Чунь, живо носи листки с загадками! - крикнул старый лавочник, и его помощник тут же поднес стопку бумажек. Эти загадки разительно отличались от тех, что предлагались ранее, - это исключало возможность сжульничать, просто запомнив ответы. Оставалось только гадать, где старый лавочник раздобыл столько хитроумных ребусов.

Первые несколько загадок Хань Цинь щелкнул как орешки, не задумываясь ни на секунду. Но на седьмой он запнулся. Он напряженно хмурил лоб, но ответ никак не приходил на ум. Загадка гласила: "Я один не могу выйти" (口口口口) - отгадать иероглиф.

Стоявший рядом Пэй Чэ на мгновение задумался и мысленно нашел ответ: 囗 (у́й - тюрьма, заключение).

И действительно, как только Хань Цинь признал свое поражение, лавочник торжественно объявил:

- Ответ на эту загадку - иероглиф 囗, как в выражении "шэнь сянь линъюй" (口口口口 - попасть в заточение).

Хань Цинь хлопнул себя по лбу. Ну конечно! Иероглиф "Я" (口 - wú) внутри иероглифа "рот" (口 - kǒu), образующий 囗 - разве это не означает "я один не могу выйти"? А он-то, глупец, пытался разбирать на части другой иероглиф "я" (口 - wǒ)!

Раздосадованный, он небрежно снял со стойки первый попавшийся фонарь в форме персика и подошел к Пэй Чэ.

- А ты отгадал? - спросил он.

Пэй Чэ помедлил с ответом, но Хань Цинь уже сам все понял:

- Я так и знал, что ты отгадал! Если бы не знал ответа, ты бы не колебался. Эх, какой конфуз!

Он с тоской посмотрел на вожделенный фонарь "Двенадцать красавиц" наверху, и вдруг его осенила идея:

- А Чэ, слушай, а может, ты тоже попробуешь? А вдруг тебе повезет, и ты выиграешь этот фонарь? Заберешь домой, подаришь кому-нибудь... - он многозначительно посмотрел на друга. "Например, мне", - мелькнуло у него в голове.

Пэй Чэ хотел было отказаться, но Хань Цинь уже подскочил к лавочнику с двумя ляннами серебра. Он указал на стоявшего чуть поодаль Пэй Чэ, и все взгляды мгновенно устремились на него.

Толпа ахнула. Только сейчас люди заметили, что молчаливый юноша, скромно стоявший в стороне, был еще красивее того, кто только что безуспешно пытался отгадать загадки!

Пэй Чэ прикрыл рот кулаком и слегка кашлянул, возвращая зевак к реальности. Он сделал несколько шагов вперед и с безупречной вежливостью обратился к лавочнику:

- Прошу вас задать загадку.

- Извольте, господин, слушайте внимательно, - начал лавочник. - "У калитки слышен лай собаки" (□□□□□) - отгадайте иероглиф.

- Жунь (□)! - без промедления ответил Пэй Чэ. - Лай собаки (□□) звучит как "ван" (□), а если он слышен из-за двери (□), то это и есть "жунь" (□ - влажный, смачивать).

- Совершенно верно! - кивнул лавочник. - Господин, слушайте дальше. "Вошел во двор - собака не лает" (□□□□□) - отгадайте иероглиф.

- Вэнь (□)! - так же быстро ответил Пэй Чэ. - Если нет лая собаки (□□□), остается только "рот" (□). А "рот" внутри "двери" (□) - это и есть "вэнь" (□ - спрашивать).

- Господин, слушайте дальше...

- Господин, слушайте дальше...

- Невероятно! Уже девятая загадка, да? - не выдержав, прошептал кто-то в толпе. Загадки были самые разные: на отгадывание иероглифов, названий цветов, идиом, стихотворных строк, но этот загадочный господин отвечал на каждую почти мгновенно. Неужели он и вправду сумеет отгадать все десять подряд?

- Да! Осталась последняя! Посмотрим, справится ли он! - подхватил другой голос.

Толпа замерла в напряженном ожидании. Казалось, они волновались даже больше, чем сам участник. Когда он только начал, все гадали, на какой же загадке он споткнется. Но теперь, когда оставался всего один шаг до победы, все страстно желали, чтобы он одолел и последнюю.

- Последняя загадка, господин, самая сложная. Слушайте внимательно, - произнес лавочник. - "Горы громоздятся друг на друга, уходя в облака" (□□□□□□□□) - отгадайте иероглиф. Но! Этот иероглиф нужно объяснить другой загадкой, которая должна быть рифмованной и симметричной по структуре первой. На размышление у вас есть время, пока догорит половина этой палочки благовоний.

При этих словах толпа разочарованно загудела. Сам по себе иероглиф-загадку отгадать было не так уж и сложно, но вот придумать за столь короткое время другую, подходящую по всем параметрам загадку - это было почти нереально. Похоже, великолепный дворцовый фонарь "Двенадцать красавиц" так и останется сегодня незыблемым призом.

Время утекало капля за каплей. Короткий огарок благовонной палочки почти догорел. Все затаили дыхание, глядя на последнюю искорку, готовую вот-вот упасть пеплом, ожидая, когда лавочник объявит ответ...

- "Каждый год в канун Нового года прячусь в старом доме" (□□□□□□□□).

Едва последний пепел коснулся подставки, как в наступившей тишине раздался спокойный и чистый, словно лунный свет, голос Пэй Чэ.

Хань Цинь мысленно повторил фразу, его глаза загорелись. Он подскочил к лавочнику:

- Ну что, уважаемый? Ответы совпадают? А загадки симметричны?

Старый лавочник, не скрывая изумления, кивнул:

- Загадка господина безупречна! И структура, и рифма - все совпадает! Ваши два ляна серебра и наш главный приз - дворцовый фонарь! Почтенный старик с радостью вручает их вам!

Кто-то из толпы, так и не понявший сути, не удержался и спросил соседа:

- Эй, приятель, а какие ответы у этих двух загадок?

Сосед охотно пояснил:

- Смотри: "Горы громоздятся друг на друга" (山山山山) - это иероглиф "выходить" (出 - chū). А иероглиф "слой" (层 - céng) без элемента "облако" (云 - yún), но с добавленным "выходить" (出) - получается иероглиф "сгибаться" или "несправедливость" (曲 - qū). Теперь вторая загадка: "Каждый год в канун Нового года" (年年年年) - это тоже по смыслу "выходить" (出). А "спрятаться в старом доме" (家家户户) - если сложить элементы, тоже получается "сгибаться" (曲). Понял?

Окружающие, услышав объяснение, понимающе закивали. В этот момент никто и не заметил, как двое юношей, только что бывшие в центре внимания, незаметно растворились в толпе под прикрытием слуг.

Пэй Чэ нес выигранный фонарь. Хань Цинь шел рядом, не сводя с фонаря жадных глаз. В любой другой ситуации Пэй Чэ, не любивший подобные вещицы, давно бы уже отдал его другу. Но сегодня он был немного раздосадован тем, что Хань Цинь втянул его в это состязание. Поэтому он нарочно крепко держал фонарь, делая вид, что совершенно не замечает красноречивых взглядов и нерешительного вида Хань Циня.

- Смотрите, обезьяньи фокусы показывают! - раздался чей-то крик, и толпа, как по команде, хлынула вперед. Для большинства горожан представление с обезьянками было куда увлекательнее, чем простое разглядывание фонарей.

Пэй Чэ и Хань Циня подхватил неуправляемый людской поток и понес вперед. Пэй Чэ, благодаря своему росту, на ближайшем перекрестке сумел выбраться из давки, сделав несколько решительных шагов в сторону. Но оглянувшись, он обнаружил, что Хань Цинь бесследно исчез.

Пэй Чэ недовольно нахмурился. Он передал фонарь слуге, которому тоже удалось вырваться из толпы, и приказал:

- Общитесь все вокруг, найдите господина Ханя. Людей много, так что поднимите этот фонарь повыше - он его обязательно заметит. А я пока здесь немного пройду.

Он терпеть не мог толкучку.

Слуги немедленно отправились выполнять приказ. Когда они скрылись из виду, Пэй Чэ повернул на боковую улочку.

Здесь, по сравнению с главной улицей, людей было ничуть не меньше, а по обеим сторонам теснились многочисленные лотки торговцев всякой мелочью. Проходя мимо скромного прилавка с баоцзы, Пэй Чэ замедлил шаг, но за прилавком увидел лишь незнакомого мужчину средних лет.

- Брат Ван, твой фонарь с изображением свирепого тигра выглядит поистине внушительно!

- Ну что ты, что ты! Вот твой - "Сто цветов соперничают в красоте" - вот это настоящий шедевр!

Двое ученых юношей с фонарями в руках прошли мимо Пэй Чэ. Их оживленная беседа и взаимные комплименты привлекли его внимание. Он мельком взглянул на фонари в их руках и отметил про себя, что рисунки на них были несколько... преувеличены.

"Однако... можно самому расписать фонарь?" - подумал он.

Пэй Чэ, который полдня провел в созерцании сливового дерева, вдруг почувствовал творческий зуд. Ему захотелось подойти и тоже что-нибудь нарисовать - проверить, не посетило ли его за эти полдня какое-нибудь озарение.

■ ■ ■

- Уважаемый гость, прошу прощения, мы уже закрываемся. Приходите, пожалуйста, завтра, - сказал Цзян Мяо, не поднимая головы и продолжая убирать вещи со стола. Чья-то тень упала на прилавок, заслонив свет. Он решил, что это запоздалый клиент, желающий расписать фонарь, и ответил скорее по привычке.

- Цзян Мяо? - однако незнакомец неожиданно назвал его по имени.

Цзян Мяо поднял голову и встретился взглядом с обладателем поразительно красивого и запоминающегося лица.

- Господин Пэй? Какая неожиданная встреча! Вы тоже вышли полюбоваться фонарями? - Цзян Мяо прервал свою работу и с дружелюбной улыбкой поздоровался.

- А я-то думал, ты будешь продавать баоцзы, - признался Пэй Чэ. Именно поэтому он и остановился у того прилавка с баоцзы, но никак не ожидал, что этот предприимчивый торговец так легко сменит род деятельности. Он даже на мгновение усомнился, не обознался ли.

- Да вот, решил воспользоваться праздничным случаем, немного подзаработать, - пояснил Цзян Мяо. - Но основное мое занятие - по-прежнему баоцзы. Вам еще нужны персики долголетия?

После его отъезда из деревни спрос на праздничные булочки заметно упал.

- С персиками погодим. Ты лучше расскажи, что это за затея с росписью фонарей? - поинтересовался Пэй Чэ.

Поскольку перед ним был постоянный клиент, да еще и тот, кто в прошлый раз великодушно подвез их с Сяо Шитоу бесплатно, Цзян Мяо, разумеется, не мог просто сказать, что он закрывается. Он снова разложил только что собранные вещи и принялся объяснять:

- Все просто: вы сами рисуете на бумаге все, что пожелаете, а я потом наклеиваю ваш рисунок на готовый каркас. Только так можно быть уверенным, что ваш фонарь - единственный и неповторимый, верно?

Пэй Чэ посмотрел на Цзян Мяо с каким-то странным выражением. Ему всегда казалось, что у этого простого торговца на удивление живой и изворотливый ум, особенно когда дело касалось торговли - он постоянно придумывал что-то новое, до чего другие и не додумались бы.

- Господин Пэй, с вами все в порядке? - Цзян Мяо помахал рукой у него перед лицом.

- ...Все в порядке. Сколько стоит фонарь? Я тоже хочу порисовать.

- Пустяки, всего тридцать вэней, - без задней мысли брякнул Цзян Мяо. И лишь сказав это, спохватился, что, кажется, проявил мелочность - ведь Пэй Чэ не взял с них денег за проезд. Он уже открыл было рот, чтобы предложить фонарь в подарок, как увидел, что Пэй Чэ по привычке потянулся рукой назад... Цзян Мяо инстинктивно проследил за его жестом - за спиной Пэй Чэ никого не было.

Пэй Чэ тоже замер в неловкости. У него не было привычки носить при себе деньги. Он растерянно оглядел себя, затем решительно снял с пояса нефритовую подвеску и протянул ее Цзян Мяо.

- Я обменяю ее на фонарь.

Цзян Мяо взглянул на подвеску, излучавшую мягкое, теплое сияние. Даже не будучи знатоком нефрита, он понял, что эта вещица стоит немалых денег. Менять такую драгоценность на фонарь за тридцать вэней? Ну и расточитель!

- Господин Пэй, право, не стоит беспокоиться, если у вас сейчас нет с собой денег, - поспешно сказал Цзян Мяо. - Считайте этот фонарь моим подарком, - видя, что Пэй Чэ собирается возразить, он быстро добавил: - Вы ведь в прошлый раз подвезли нас с Сяо Шитоу, и я тоже не заплатил. Будем считать, что мы теперь друзья.

Услышав это, Пэй Чэ с видимым облегчением убрал подвеску и попытался привязать ее обратно к поясу. Но, видимо, он редко делал это сам - снять ее оказалось легко, а вот приладить обратно было куда сложнее.

- Давайте я помогу! - предложил Цзян Мяо, видя его неуклюжие попытки. Он вышел из-за прилавка, взял подвеску и, слегка наклонившись, ловко привязал ее к поясу Пэй Чэ. Тот снова слегка напрягся - ему показалось, что Цзян Мяо стоит непозволительно близко, совсем как в тот раз, когда завязывал ему веревку.

- Готово! - Цзян Мяо, закончив, по-дружески шлепнул его по бедру и только потом сообразил, что, кажется, позволил себе вольность. К счастью, господин Пэй, похоже, ничего не заметил. Цзян Мяо быстро вернулся за свой прилавок и протянул ему кисть.

- Каркасы у меня почти все разобрали, - сказал он. - Осталось только два в виде кроликов. Придется рисовать на этом, - он положил перед Пэй Чэ лист бумаги в форме кролика.

Пэй Чэ взял кисть, все еще немного рассеянный, ухватив из слов Цзян Мяо лишь ключевые - "кролики". Когда он пришел в себя, Цзян Мяо уже ловко склеил фонарь и протягивал ему готовое изделие.

- Никогда бы не подумал, что вам нравятся кролики! А у меня как раз остались только фонари-кролики! Какое совпадение! - сказал Цзян Мяо, глядя на двух очаровательных пушистых зверьков, нарисованных на фонаре, и едва сдерживая улыбку.

Пэй Чэ принял фонарь и только открыл рот, чтобы что-то сказать, как неподалеку раздался громкий голос Хань Циня, звавший его по имени.

- Кажется, это вас ищут? Вам лучше поспешить! - заторопил его Цзян Мяо. - Нам тоже пора собираться и возвращаться домой! - с этими словами он снова наклонился над столом, продолжая убирать свои вещи.

Пэй Чэ оставалось лишь поблагодарить его и направиться на зов.

- А Чэ, никак у тебя в руках фонарь-кролик? - подлетел к нему Хань Цинь. - Забавная штука! Слушай, фонарь с красавицами ты мне так и не отдал, так подари хоть этот? Я его домой отнесу, младшую сестренку порадую! - с этими словами он протянул руку, намереваясь забрать фонарь.

Пэй Чэ метнул на него испепеляющий взгляд, ловко увернулся и шлепнул его по руке.

- Фонарь с красавицами я тебе отдал! - процедил он. - А этот... этот я отнесу домой и подарю Му-эру.

Неожиданная удача - получение фонаря с красавицами - заставила Хань Циня мгновенно забыть об обиде и боли в руке. Он радостно выхватил у слуги драгоценный трофей и с восторгом принялся его рассматривать.

<http://bllate.org/book/17917/1716280>